

Эта музыка будет вечной...

Одинокие зимние ночи всегда были для меня чем-то вроде испытания. Я, пожалуй, никогда не пойму тех, кто считает их прекрасными — для меня нет ничего хорошего в ощущении бесконечного одиночества, наполняющего каждую клеточку тела. В такие моменты кажется, что в целом мире не осталось больше никого, а если ты выйдешь за дверь, то просто улетишь в бесконечные просторы чернильно-чёрного неба, затеряешься в его глубине, и тебе очень повезёт, если ты станешь хотя бы одной из тысяч обжигающе-холодных зимних звёзд. Летние ночи дышат жизнью, зимние же, напротив, наполнены тем холодом, который так противен самой природе пони.

Я очень не люблю проводить эти часы в одиночестве, но порой обстоятельства оказываются сильнее нас. Не могла же я начать упрашивать Октавию, мою соседку и ближайшую подругу, отменить свою поездку на выступление в Небесном Дворце Музыки в Лас-Пегасе только потому, что мне не хотелось оставаться одной? Это очень важный этап в развитии её карьеры, а мой страх одиночества — всего лишь глупость, отголосок детских страхов...

Я осторожно выдыхаю на замёрзшее стекло и прикасаюсь к нему кончиком копыта. Как когда-то сказал тот, кого я некоторое время считала своим особенным пони: «Любой из нас, по сути своей — это кабачок, огурец, пять палочек и пучок тонких веточек, изображающих хвост. Все остальные детали мы сами навешиваем на себя в процессе нашей жизни.» Я рисую на стекле схематичную пони. На верхней части огурца скапливается капелька влаги, и нарисованная лошадка принимается плакать.

Стираю её копытом. В финале романтической истории пегас, рассказавший мне об этом, ударил меня по лицу копытом и ушёл, крича, что из меня уже не сделать нормальную. Что я так и умру за пультом, «на сцене какого-нибудь второсортного клуба». Я даже не стала спорить. И не потому, что не хотела обострять конфликт, ведь дальше обострять было уже некуда. Просто спорить было действительно не с чем. Из меня, превратившейся в ночное существо, живущей от выступления до выступления и всегда скрывающей свои глаза за огромными солнечными очками, вряд ли получится сделать нормальную пони.

Он был детским психологом. И немного художником.

Отойдя от окна, я уселась в глубокое кресло и с наслаждением отхлебнула остывшего облепихового чая. Тишина ночного дома наполняла меня, но не успокаивала, лишь дарила щемящее чувство одиночества. Прошло полгода со дня смерти моего деда и чуть больше пяти месяцев с тех пор, как мы со спасшей меня от одиночества и вытащившей из глубочайшей депрессии виолончелисткой стали жить в опустевшем доме. Никто из моих друзей никогда не был мне так близок, как Октавия, понимавшая меня, кажется, не то что полуслова, а с полужеста, полумысли. Чем лучше мы начинали общаться, тем сильнее становился мой страх одиночества, оставшийся откуда-то из раннего детства, ещё из тех бесконечно долгих ночей, когда мой дед, вырастивший меня и попытавшийся воспитать во мне настоящую леди, допоздна задерживался в консерватории. Гениальный скрипач, первый пони в музыкальном мире Кантерплота и, наверное, всей Эквестрии — для меня он

был и всегда оставался самым близким из всех, единственным, кто мог спасти меня от давящей тишины старого пустого дома на окраине города.

Возможно, моя работа диджея стала для меня чем-то вроде способа спастись от одиноких ночей.

Возможно ли, что Октавия стала, в некотором смысле, заменой деда? Во время выступлений — классическая во всех смыслах виолончелистка, собранная, строгая и полностью сосредоточенная на тех чарующих звуках, что она извлекает из своего инструмента. Дома — добрая, мягкая и заботливая пони, знающая моё одиночество, с пониманием относящаяся к моей головной боли и слабости после особенно сложных выступлений.

Я с улыбкой вспомнила нашу удивительно быстро сложившуюся традицию вечерних посиделок. Я — с крепким кофе, готовая выйти из дома и, улыбаясь, ринуться в мир сгорающих на танцполе, сходящих с ума, в экстазе выкрикивающих моё имя посетителей очередного клуба. Готовая кричать, раз за разом, свой боевой клич: «Я — звук!». Готовая прыгать и танцевать за пультом ночь напролёт, ведя толпу за собой, на новые и новые витки чистой первобытной радости. И моя полная противоположность — Октавия. С ромашковым чаем, расслабляющим и дарящим отдых. Понимающая важность ночного сна, ценящая уют своей мягкой постели. Уже готовящаяся к тому, что следующим вечером она выйдет на сцену перед чопорной публикой и вывернет перед ними свою душу, заколдует их мягким очарованием своего таланта. И заставит их топтать копытами по полу концертного зала и кричать от восторга, забыв о манерах.

Два мира, пересёкшихся совершенно необъяснимо, против всякой логики и традиций. Дружба диджея и виолончелистки. Добрая магия, возможная, наверное, лишь в нашем мире...

За такими размышлениями меня и сморил, наконец, сон...

Снег поскрипывает под копытами жеребца-таксиста и колёсами повозки, в которой я сижу, зябко кутаясь в огромный шарф. Погодные отряды в этом году устроили над Кантерлотом Дискорд знает что, так что в Ночь Согревающего Очага над столицей Эквестрии поливал дождь, превращая едва выпавший снег в липнущую к копытам слякоть. Сейчас, в постпраздничную неделю они, очевидно, пытались исправиться, поэтому погода уже третий день стояла морозная и снежная — трудолюбивые земнопони-уборщики едва успевали сгребать белое покрывало, укрывающее город, в огромные сугробы на газонах, которые немедленно оккупировались веселящимися жеребятами.

Эквестрия отдыхала, казалось, всепони стараются вобрать в себя как можно больше веселья до наступления будней, когда придётся вернуться на свои рабочие места. Когда я была ещё совсем крохотной пустобокой кобылкой, в такие дни дед водил меня кататься на санках с холмов у подножия горы, на которой стоит мой любимый город. Чётче всего мне вспомнился тот раз, когда я не справилась со своими санками и въехала на всём ходу в другую кобылку, единорожку мятного цвета. Почему-то мне запомнилась её кютимарка, наверное, полученная совсем незадолго до того дня: золотистая лира... Ну и то, как я кричала «Де-е-еда-а-а!», сидя в самом низу склона и прижимая к себе ушибленную ножку, конечно же. Кобылка, в которую я въехала, к счастью, не пострадала, и всю дорогу до повозки, в которой мы с дедушкой приехали, она заглядывала в глаза мне, висящей

поперёк спины пожилого единорога, и без конца извинялась. Потом, насколько я помню, она ещё несколько раз извинилась перед дедом, а тот, мягко потрепав её по коротко остриженной гриве, ответил, что её вины в случившемся нет. Успокоившаяся, она усакала, а я потом ещё долго думала, что, наверное, таким и должно быть поведение хорошей пони — ведь эта кобылка знала, что она ни при чём, но всё равно извинялась. Просто потому, что мне было больно и она сожалела об этой боли.

Интересно, как сложилась судьба этой мятно-зелёной единорожки? Осталась ли она хорошей?

И... при моём образе жизни, может ли кто-то указать на меня копытом и без стеснения сказать своему жеребёнку: «Смотри, вот мисс Скрэтч — это хорошая»?...

Были ли вы когда-нибудь в «закулисье» клуба? Это место, которое всегда действовало на меня совершенно особенным образом. Я могу быть усталой, больной, злой и в целом пережившей неудачный день, но стоит мне очутиться в служебных помещениях того места, которое я через считанные минуты взорву звуками создаваемой мной музыки, как мои мышцы наливаются силой, походка становится танцующей и упругой, а на лицо сама собой выползает та самая улыбка, с которой я всегда появляюсь на сцене. Так было всегда — и этот раз не стал исключением. Немного подпортил ощущения Райзинг Профит — владелец клуба, попытавшийся «оградить меня от общения с обслугой», но отделаться от него было просто, хватило одного лишь насмешливого взгляда поверх очков.

Так что теперь я предоставлена самой себе, стою и наблюдаю за работой местного техника — лимонно-жёлтой единорожки с лаймового цвета гривой. Она практически танцует в техническом помещении клуба, и это зрелище завораживает почище традиционных танцев народа зебр, которые мне однажды довелось наблюдать. Юная кобылка с к्यूтимаркой в виде отвёртки, окутанной магическим полем, вертится по тесной камерке, едва слышно напевая какой-то незамысловатый мотив, её глаза полуприкрыты, а на лице сияет лёгкая полуулыбка. Искрящиеся разряды магии срываются с её рога и впиваются в толстые кабели, наполняя воздух запахом озона и уносясь куда-то туда, в зал, к колонкам, дым-машине, диджейскому пульта, за которым я совсем скоро встану. Я, к стыду своему, лишь в самых общих чертах представляю себе, что она делает, но мне едва ли не впервые в жизни не хочется прерывать работу технопони и с нажимом спрашивать, всё ли готово к выступлению, я уверена, что эта миниатюрная единорожка с растрёпанными гривой и хвостом подготовила всё в лучшем виде.

Я тихонько отступаю в коридор, и мне кажется, что, если мои честолобивые планы когда-нибудь осуществляться, и я открою свой собственный клуб, я уже знаю, кого я постараюсь заполнить на должность звуковика...

А тем временем мне пора уже выходить в зал и начинать сегодняшнее шоу. Я встаю в нескольких шагах от сцены и делаю глубокий вдох. Нервная дрожь появляется в коленях и копытах, но она проходит, когда я слышу крики из зала. Медленный выдох...

Они ждут диджея P0n3.

Они любят диджея P0n3.

Меня. Они зовут меня, и я не собираюсь заставлять их ждать. Party time, ponies!

Я, пританцовывая под музыку, которая пока что слышна лишь мне, выскакиваю на сцену, и зал взрывается приветственными криками. Дым с шипением застилает сцену, и я

победно вскидываю копыто вверх, заставляя собравшихся в зале сойти с ума, выкрикивая мой псевдоним. О-о-о да-а-а...

Два шага — и я за пультом, на том месте, на котором мне и следует быть. В своей стихии. Я делаю то, что мне назначено судьбой. Я дарю им праздник. Я раскрашиваю их жизнь яркими нотами.

- Я — DJ P0n3! — кричу я, наклонившись к микрофону. — Я — ЗВУК! И я люблю вас, поняшки!

Окутанная голубым сиянием игла падает на винил, и глубокие басовые звуки наполняют зал. Одна бесконечно растянутая нота, заставляющая дрожать стены клуба, от неё сводит зубы, запинается сердце, а спина и бока покрываются гусиной кожей. Одно это гудение сводит моих слушателей с ума, и я без оглядки следую за ними. Ловкие копыта ложатся на пульт, магия звуков переполняет моё сердце, мягко толкает рог изнутри и срывается с его кончика, превращаясь в музыку. Резкий, жёсткий, бескомпромиссный бит наполняет зал, заставляя собравшихся подпрыгнуть в едином порыве...

- О-у-у-у... — остановив музыку, вою я в микрофон, заставляя пони безотчётно подражать мне, открывать свои души в первобытном крике, полном восторга и нерастроченной энергии молодости.

Они готовы. Они именно в том состоянии, которого я хотела добиться. Наши души обнажены, они полностью мои, но в той же степени и я их, мы все стали едины. Краем глаза я замечаю единорожку-техника, расширившимися глазами смотрящую на меня из закулис... и перестаю сдерживать себя. Я словно резко падаю в крутое пике, увлекая всех окружающих за собой. Ноты, идущие из самого сердца, врываются в их уши, и зал взрывается танцем.

Стоя за пультом, я качаю головой в такт музыке, мой взгляд скользит по толпе, выхватывая из беспрестанно меняющейся картины отдельные эпизоды: растрепавшиеся гривы, топчущие пол копыта, торчащие крылья, рога, окутанные магическим сиянием, взрывающиеся крохотными фейерверками... Время от времени я не сдерживаюсь и коротко вскрикиваю в микрофон, вызывая бурю восторга в зале — десятки пони откликаются такими же дикими вскриками, и прыгают выше, пегасы, не в силах сдерживаться, взлетают под потолок клуба и, сложив крылья, падают вниз, чтобы приземлиться на все четыре копыта.

Когда я чувствую, что танцоры начинают выдыхаться, я меняю темп и ритм — и зал наполняют лёгкие, чуть дрожащие ноты, куда более сдержанные и нежные, и пони разбиваются по парам, чтобы подарить друг другу немного тепла, которое есть в наших душах и делает нас теми, кто мы есть. Пары кружатся по танцполу, на лицах расцветают ласковые улыбки. Это похоже на то, как успокаивается мгновение назад кипевшая вода в снятом с огня чайнике. Мы все приходим в норму... Но и пора нежности проходит, и я снова возвращаю звучанию агрессивность, хотя уже и не ту, что заставляла нас кричать, впадая в полубезумное состояние. Я наклоняюсь к микрофону и говорю речетативом, стараясь придать каждому слову вес:

- I'm the new school,

Old school,

Not cool,

Too cool...

Музыка бьёт по барабанным перепонкам, буквально сбивая некоторых пони с копыт и перекрывая следующие две строчки куплета, я завершаю так, чтобы слышал весь зал, и вызываю рёв одобрения:

- Just deal with deed

I am the beat king!

И мы снова погружаемся в пучину безумия, которое дарит нам чувство свободы, лёгкости и отдыха, которое ни один из нас не сможет получить каким-либо иным способом...

После этого выступления я чувствую себя вымотанной, как никогда. Кажется, что все мышцы моего тела стонут, моля об отдыхе, а рог, сегодня явно перегруженный массой преобразующих звук заклинаний, словно пульсирует изнутри мягким зудом, отчего мне постоянно хочется почесать голову. Я сдерживаюсь, но вовсе не потому, что я леди, а потому, что толку от этого не будет, проверено неоднократно.

Выплеснувшие лишнюю энергию молодые пони уже покинули зал, особо восторженные успели со мной сфотографироваться и наговорить кучу приятных вещей, так что теперь я могла просто расслабляться, сидя на краю сцены и потягивая ледяной сидр через соломинку, дожидаясь приезда такси. Я уже раздумывала, не взять ли мне ещё одну кружку чудесного напитка, нагло пользуясь тем, что сегодня мне это можно сделать за счёт заведения, когда услышала неуверенные шаги справа от себя.

- Эм. Мисс Скрэтч? — произнёс кто-то чуть дрожащим от волнения и немного осипшим от криков голосом.

Повернувшись, я увидела перед собой ту самую единорожку-технопони, работой которой я любовалась перед выступлением. Вблизи она выглядела совсем маленькой, практически подростком, не смотря на то, что мы, скорее всего, ровесницы. Эх, мне бы её миниатюрность...

- Ну да, так меня зовут, — ответила я с улыбкой и добавила, понизив голос и подмигнув: — Так меня зовут ханжи и зануды типа Профита. А для друзей я Винил.

Не сдержавшись, единорожка прыснула в копытце.

- Я просто хотела сказать, мисс Скрэ... то есть, Винил, что сегодняшнее выступление было просто изумительным! Это было словно взрыв! Бум, эмоции прямо в мозг! И я очень рада, и для меня большая честь поработать с вами! Вот!

- О, сегодняшнее выступление было бы невозможно без твоего таланта! — ответила я мгновенно смутившейся от собственной эмоциональности единорожке и только тут поняла, что так и не узнала, как же её зовут: — Прости, мне правда неловко спрашивать, но как тебя зовут?

- О, меня зовут Лемони! Лемони Крем! — отчего-то рассмеявшись, ответила зеленогривая технопони.

- Ваше такси у дверей, мисс Скрэтч, — тихо произнёс за моей спиной мистер Профит: — Вас проводить?

- О, нет, благодарю. Всего доброго, — ответила я и, подмигнув на прощание жёлтой единорожке, направилась к выходу, против своего обыкновения не забыв шарф.

Вечер следующего дня проходил в полной тишине. Октавия вернулась из Лас-Пегаса совершенно разбитой и не проронила ни слова с тех пор, как перешагнула через порог

дома. Клянусь чем угодно, мне ещё ни разу не приходилось видеть её в подобном состоянии. Молча она привела себя в порядок, молча и без всякого удовольствия поужинала парой сэндвичей и овощным салатом, и так же молча уселась в кресло перед камином с чашкой чая.

- Окти? — спросила я, настороженно заглядывая в глаза подруге. — Ты уверена, что всё хорошо?

- Да, вполне. Не хуже, чем всегда, — после долгой паузы меланхолично ответила черногривая. Убедить меня ей, понятное дело, не удалось.

- Тави, рассказывай. С кем ещё тебе делиться бедой, как не с лучшей подругой?

- Не знаю... да ни с кем больше таким и не поделишься, ты права. Ты знаешь, мне кажется, что я перегорела, Винил.

- Что-о-а?! — воскликнула я, от неожиданности облившись чаем. — В каком это смысле?

- В прямом, — ответила серая. — Я вышла на сцену, всё шло как обычно, но... ни единого движенья души, понимаешь? Я играла чисто механически, не вкладывая в музыку ничего, просто потому, что вложить было и нечего. Что ещё ужаснее, у меня и особого желания играть не было. Просто пустота, понимаешь?

- Вау... — произнесла я, чтобы произнести хоть что-то. Я раньше слышала о таком, но своими глазами видеть, тем более у близкого мне пони, не доводилось. Музыканты, писатели, художники — именно тем мы и отличаемся от тех, кто занимается работой, не связанной с искусством. Иногда мы просто сгораем. Я даже не знаю, лечится ли это как-то. Не найдя лучшего утешения, я произнесла: — Наверное, тебе просто надо отдохнуть. Завтра всё наладится.

- Ну да... — произнесла Окти бесцветным голосом. Тихо, не обращая внимания на упавший на пол плед, она встала со своего кресла, и, понутив голову, отправилась в спальню.

- Спокойной ночи, Винил... — донёсся до меня тихий голос уже из коридора.

А я так и осталась сидеть в кресле, кусая копыто, чтобы не завывать от бессилия и тоски...

— Вставай, Октавия! — кричу я, прыгая на кровать подруги всеми четырьмя копытами. — Вставай, нам нужно успеть очень многое! Хватай виолончель!

Сейчас ещё совсем раннее утро, на улице совсем темно и тихо, только горят уютным янтарным светом фонари. Я ношусь по дому, магией, копытами, мордочкой и голосом подгоняя Октавию. Я не спала всю ночь, но у меня есть план! И первый его пункт — не дать ей опомниться, не дать хандре снова проникнуть в её сердце и разум.

- Сумасшедшая! Ты что творишь?! — кричит земнопони, когда я выталкиваю её, едва успевшую натянуть шарф и шапку, в морозное утро. Впрочем, сама я выкатываюсь из дома сразу же следом за ней.

- Скорее, Тави! Или ты мне не веришь?

Мы запрыгиваем в такси, которое я заказала несколько часов назад, когда этот план только стал формироваться в моей голове. Я понятия не имею, поможет ли вся затеянная мной ерунда Октавии, но я не могу не попробовать, не могу оставить её в том состоянии, в каком она находится сейчас.

- Винил, ради Сестёр, что ты задумала? Что происходит? Я, конечно, заинтригована, но... но что ты затеяла за авантюру?

- Просто на меня снизошло озарение, Тави! Понимаешь, я очень долго думала о том, кто я в этом мире. Хорошая ли я пони, чем является для меня моя работа, кем для меня был дед, кем стала ты. Но сегодня я поняла нечто особенное! — договорив, последнюю фразу, я выглянула в окно. По пустынным улочкам мы домчались до студии удивительно быстро, куда быстрее, чем я рассчитывала. Отсыпав пони-таксисту битов, причём явно больше, чем полагалось за поездку, я продолжила, лишь оказавшись в студии: — И я попытаюсь сыграть тебе то, что я поняла!

На последних словах Октавия, достающая из футляра виолончель, пока я бегаю, включая свет и оборудование, странно посмотрела на меня, но ничего не ответила.

- Винил... — начала она, когда мы застыли друг напротив друга, я — за пультом, она — с виолончелью, горделиво выпрямившись. Даже в подавленном состоянии, будучи уверенной, что она лишилась своего дара, она держалась настоящей леди. Такому можно только позавидовать. — Винил, я понимаю, что тебя выбило из колеи моё вчерашнее признание, ты хочешь помочь мне, но даже вытащив меня из постели и протаскив через половину Кантерлота по морозу... я по-прежнему не хочу играть, понимаешь? У тебя не вышло. Я...

- Просто слушай, Октавия, — я прервала её максимально мягким голосом. — Закрой глаза и слушай меня.

Озадаченная земнопони хотела было возразить, но сдержалась. Она закрыла глаза и застыла, опустив копыто со смычком, готовая слушать. Мой рог окутало голубоватое сияние. Мне предстоит самое важное выступление в моей жизни...

И я не имею понятия, что делать. Ни малейшего. Поэтому, я просто раскрываю душу и пытаюсь выразить свои чувства в звуках, всё то, что беспокоило меня в последние дни. Мой страх одиночества, тоска по деду, размышления о том, кем же стала Октавия в моей жизни, размышления о том, стала ли я хорошей пони — всё это наполняет меня, переливается через какие-то невидимые границы в моей душе и срывается с моего рога одновременно с первой слезинкой, падающей с моих ресниц на пульт. Дрожащие звуки, вовсе не похожие на ту агрессивную музыку, что сотрясала полный веселящихся пони зал меньше суток назад, наполняют студию. Я понимаю, что, возможно, я сваливаю в кучу все эти эмоции, что их очень сложно прочесть, но я не пытаюсь это исправить. Такова я. Такова моя жизнь, в которой я и сама не всегда могу разобраться. У меня нет ничего другого. Мне нечего больше предложить тем, кто будет рядом...

Я не знаю, сколько длится моё выступление, когда к нему примешиваются посторонние звуки. Более плавные и грациозные, лишённые характерной для меня нервозности. В них слышится уверенность. Надежда. Забота. Обещание никогда не оставлять в одиночестве. Виолончель.

Я чуть ли не рыдаю от радости. Октавия смогла! Она почувствовала! Она не сгорела!

Странно, я не слышу диссонанса, не чувствую, что музыка одной из нас перебивает музыку другой. Мелодии словно кружатся в танце, подчёркивая достоинства и маскируя недостатки друг друга, я практически вижу этот танец сквозь полуприкрытые веки. Должно быть, я всё поняла верно. Должно быть, так и рождается гармония: когда встречаются классика и андерграунд, штиль и шторм, страх и нежность. Когда падает один, второй всегда поддержит. Свечи, горящие во тьме: когда одну задувает ветер, вторую достаточно

поднести к потухшему было фитилю. Равновесие. Не противостояние, а дополнение друг друга. На этом и стоит наш мир.
И будет стоять, пока звучит эта музыка.
А эта музыка будет вечной.